

DOI: 10.31696/S086919080034553-5

**ОТ «ПАКТА КУИНСИ» ДО «ДОКТРИНЫ ТРАМПА»:
ЛОГИКА СТАНОВЛЕНИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ США
В БЛИЖНЕВОСТОЧНОМ РЕГИОНЕ**

© 2025

М.А. СУЧКОВ ^a, А.К. АДРИАНОВ ^b^{a, b} – МГИМО (У) МИД России, Москва, Россия^a – ORCID: 00 00-0003-3551-7256; suchkov.m@my.mgimo.ru^b – ORCID: 0000-0001-5135-8369; artemadrianov1@gmail.com

Резюме: Соединенные Штаты Америки – один из наиболее влиятельных внешних игроков в ближневосточном регионе. На протяжении восьмидесяти лет внешняя политика США задает важные тенденции в развитии политической, экономической и социо-культурной жизни Ближнего Востока, проявляясь в различных формах, от военных вмешательств и дипломатических инициатив до культурной и экономической экспансии. Действия Вашингтона по многим параметрам усиливают конфликтную напряженность в регионе, создают новые очаги вооруженных конфликтов и социальных протестов. Настоящая работа представляет собой попытку «инвентаризации» основных вех политики США на Ближнем Востоке, осмысления логики её становления и выявления ключевых движущих сил. Авторы аргументируют тезис, что за последние десять лет изменились пять ключевых параметров, определявших американскую политику в регионе на предыдущих этапах: стабильность энергопоставок из стран Персидского залива; безопасность Израиля; предотвращение доминирования какой-либо другой внерегиональной державы на Ближнем Востоке; нераспространение оружия массового уничтожения и противодействие терроризму. Это вынуждает руководство США искать некую новую формулу «достаточного присутствия», при которой снижение союзнических обязательств перед региональными союзниками позволило бы тем не менее сохранить политическое влияние, а также региональную систему альянсов, необходимые для реализации американских интересов. Постоянным также остается поиск ответов на вопросы о том, как соединить заявленные цели с ресурсами, имеющимися в распоряжении каждой из президентских администраций; как найти баланс между ценностным подходом и прагматическими соображениями; как правильно подобрать инструментарий для работы с союзниками в условиях меняющегося глобального баланса сил и как при этом получать от них больше, чем отдавать. На это также накладываются внутривнутриполитические соображения и отдельные особенности управления каждой из президентских администраций. Последняя особенность наиболее ярко проявилась в период первой администрации Д. Трампа и остается актуальной в 2025 году.

Ключевые слова: США, Ближний Восток, внешняя политика, стратегия, Иран, Россия, Китай, великодержавное соперничество

Для цитирования: Сучков М.А., Адрианов А.К. От «пакта Куинси» до «доктрины Трампа»: логика становления внешней политики США в ближневосточном регионе. *Восток (Oriens)*. 2025. № 2. С. 82–98. DOI: 10.31696/S086919080034553-5

FROM THE QUINCY PACT TO THE TRUMP DOCTRINE: THE LOGIC OF THE MAKING OF AMERICAN FOREIGN POLICY IN THE MIDDLE EAST

© 2025

Maxim A. SUCHKOV^a, Artem K. ADRIANOV^b^{a, b} – MGIMO University, Moscow, Russia^a – ORCID: 0000-0003-3551-7256; suchkov.m@my.mgimo.ru^b – ORCID: 0000-0001-5135-8369; artemadrianov1@gmail.com

Abstract: *For over eighty years the U.S. has remained one of the most influential players in the Middle East: it has prompted important trends in the development of political, economic and socio-cultural life in the Middle East, manifesting itself in various forms, from military interventions and diplomatic initiatives to cultural and economic expansion as well as giving rise to new hotbeds of armed conflicts and social protests. This article is an attempt to “inventory” key milestones of U.S. policy in this region, to understand the logic of its formation and to identify principal drivers of this policy. The authors argue that over the past ten years, five key parameters that determined American policy in the region at previous stages have changed. This pushes the U.S. leadership to elaborate on some new formula of “sufficient presence” which, on the one hand, would imply a reduction in U.S. obligations to its regional allies but, on the other, would still allow the United States to maintain its political influence and save the regional system of alliances necessary to promote its interests in the new era. Searching for answers to a number of questions remains on the agenda of all presidential administrations: how to combine the declared goals with the available resources; how to strike a balance between values and pragmatic considerations; how to correctly select the tools for working with allies and how to receive from them more than give. This is also influenced by the domestic politics and particular features of each of the presidential administrations.*

Keywords: USA, Middle East, foreign policy, strategy, Russia, China, great-power rivalry

For citation: Suchkov M.A., Adrianov A.K. From the Quincy Pact to the Trump Doctrine: The Logic of the Making of American Foreign Policy in the Middle East. *Vostok (Oriens)*. 2025. No. 2. Pp. 82–98. DOI: 10.31696/S086919080034553-5

Если под «внешнеполитическим интересом» государства понимать его «осознанную потребность» [Хрусталеv, 2015, с. 139], периодом зарождения интереса США к ближневосточному региону можно считать 1940-е гг. Хотя «потребность» в присутствии в этом регионе вызревала для США из самого характера международной среды того периода, «осознание» стратегической ценности Ближнего Востока для Соединенных Штатов пришло далеко не сразу и не у всех. Пока одни убеждали, что подобное присутствие необходимо для сдерживания «коммунистической угрозы», другие настаивали, что регион с его этноконфессиональной палитрой и богатым конфликтным потенциалом будет лишь отвлекать страну от главного на тот момент европейского театра мировой политики [Svensson, 2013].

Тем не менее политическое руководство США сделало выбор в пользу постепенного наращивания военно-политического и торгово-экономического присутствия в регионе. Основы этого присутствия были заложены на исторической встрече между Президентом США Франклином Рузвельтом и Королем Саудовской Аравии Абдул-Азизом ибн Саудом в феврале 1945 г. Подписанный ими «пакт Куинси», по названию тяжелого крейсера ВМС

США на котором проходила встреча, предоставлял американским нефтяным компаниям монополию на разработку открытых в 1930-е гг. саудовских месторождений в обмен на гарантии защиты саудовцев от внешних угроз. К этому моменту, нефтяные компании США уже сооружали трансаравийский нефтепровод к ливанскому порту Сайда из Дахрана, где американские военные строили военно-воздушную базу.

Окончание Второй мировой войны открыло еще один мотив для более осмысленного присутствия США в регионе – необходимость противостоять угрозе советского проникновения и потенциального доминирования в Восточном Средиземноморье и по всему периметру Ближнего Востока. Внутри американского политического класса тему «советской угрозы» активно развивала Британия, аргументируя это недостаточной способностью США в одиночку противостоять влиянию СССР в регионе.

Провозглашенная в 1947 г. т. н. доктрина *Трумэна* формулировала «принципы сдерживания» Советского Союза. В приложении доктрины к ближневосточному региону, важным союзником США в противостоянии с СССР становилась Турция, получившая членство в НАТО в 1952 г. В 1951 г. американские военные начали возводить на её территории военно-воздушную базу Инджирлик, соглашение о совместном использовании которой стороны подписали спустя три года – в 1954 г. Само решение о строительстве базы было принято гораздо раньше – во время второй каирской конференции в 1943 г. Это свидетельствует о том, что, несмотря на дискуссии о целесообразности военного присутствия в регионе, политическое решение о том, что такое присутствие необходимо, было принято исходя из понимания не только угроз, но и возможностей, которые такое присутствие могло дать США. Признание Соединенными Штатами Израиля в 1948 г. и усилия по переориентации западноевропейских партнеров на энергопоставки из Персидского залива уже к 1950 гг. сделали США неотъемлемым участником ближневосточной политики.

На протяжении 1950–1960-х гг. лейтмотивом американской политики в регионе было создание военно-политической инфраструктуры сдерживания «советского проникновения». Сеть военных баз от Марокко и Ливии к Пакистану была призвана укрепить сдерживание и расширить возможности для проекции собственной силы. В этот период в разных странах региона при тесной координации с Британией и содействии Турции США создавали разведывательные центры, военно-воздушные базы, способные принять стратегические ядерные бомбардировщики, и развернули ракетные системы, направленные на СССР.

Суэцкий кризис 1956 г. показал, что сотрудничество с европейскими союзниками протекало не без сложностей. Помимо мотива совместной борьбы с СССР, европейцы не отказались от амбиций сохранить остатки собственного влияния. Однако ключевые для региона решения американцы и британцы – в меньшей степени французы – по-прежнему осуществляли сообща. Показательным в этом смысле можно считать спецоперацию по организации свержения правительства *Моссадыка* в Иране в 1953 г.

К 1960 г. складывающийся в регионе баланс сил требовал от США качественного перехода к новому присутствию. В Вашингтоне исходили из того, что «британцы отступают, советцы наступают, а американцы еще не до конца закрепились». К числу основных советских союзников Вашингтон относил Египет, Сирию, Ирак и, в конечном итоге, Ливию (после прихода Каддафи) с проекцией на Алжир. В стане американско-британских союзников числились арабские монархии Персидского залива, Иран, Иордания, Марокко и Турция. Отдельным блоком рассматривался Израиль, связанный военными конфликтами с «советскими сателлитами», но и одновременно вызывавший раздражение у европейских союзников США. В подобных условиях в 1969 г. на смену «доктрине Трумэна» пришла «доктрина *Никсона*», которая постулировала: оборона союзников должна быть заботой самих союзников. При этом США обязывались участвовать в формировании оборонных

потенциалов союзных государств, самостоятельно определять формы и масштабы такого участия, но не воевать «вместо них».

События следующего десятилетия подтолкнули США на изменение этого принципа. «Война Судного дня» 1973 г. затронула все болевые точки американской политики в регионе: судьбу Израиля, «недопустимое поведение Советского Союза», будущее арабского мира и безопасность энергопоставок из региона. В Вашингтоне все сильнее звучали голоса в пользу большего наращивания военного присутствия в регионе. В противном случае, убеждали Белый дом сторонники этой идеи, США будут неспособны оперативно реагировать на вызовы подобные войне Йом Кипур. Возможно, главным уроком, который вынесло для себя американское руководство из этого события, стало понимание цены экономических издержек арабо-израильского противостояния для западных стран на фоне нефтяного эмбарго ОПЕК. Тем не менее ответ Соединенных Штатов на этот кризис придал Америке уверенности в способности быть эффективным игроком в турбулентном регионе.

Значимым «приобретением» для «американского лагеря» после этого кризиса стал Египет, отношения с которым по военной линии предоставили США оперативный доступ к первому военно-логистическому маршруту в самое сердце Персидского залива как по морю, так и по воздуху. До этого передвижение американских военных сил в обеих стихиях было серьезно ограничено [Krepinevich, Watts, 2009].

Хотя тенденция к более глубокому военному присутствию в регионе выкристаллизовывалась на протяжении нескольких десятилетий, до конца 1970-х – начала 1980-х гг. Соединенные Штаты поддерживали относительно низкий уровень военного присутствия на Ближнем Востоке.

Тремя новыми катализаторами военного присутствия США стали *Исламская революция в Иране*, военная кампания СССР в Афганистане и подъем салафитских движений. До иранской революции 1979 г. американская стратегия «столбов-близнецов» (“twin pillar” strategy) предусматривала лидирующую роль для Ирана и Саудовской Аравии в охране Персидского залива от Советского Союза и дружественных Москве режимов в Сирии, Ираке и Южном Йемене. Приход к власти *Хомейни* обрушил «иранский столб» американской стратегии, а война СССР в Афганистане, по мнению американцев, означала возрастание рисков для союзников США в Персидском заливе.

Вашингтон достаточно быстро сориентировался в изменениях в региональной стратегической среде. В январе 1980 г. президент США *Джимми Картер* объявил о том, что Америка будет готова применить военную силу для защиты арабских монархий Персидского залива от внешней агрессии – обязательство Соединенных Штатов перед региональными союзниками, которое вошло в историю как «доктрина *Картера*». В том же году Картер распорядился создать Объединенную оперативную группировку сил быстрого развертывания (RDJTF), военный орган, ставший прародителем Центрального командования США (USCENTCOM), учрежденного в январе 1983 г.

Вплоть до конца 1980-х гг. возможность советского вторжения в Иран с целью установления последующего контроля над тепловодными портами Персидского залива расценивалась военными США в качестве главной угрозы американскому присутствию на Ближнем Востоке, затмевая проблему уже тогда набиравшего силу радикального исламизма. Однако уже в последние годы существования СССР более проблемным для региональной стабильности США виделся режим тогдашнего главы Ирака *Саддама Хусейна*.

После вторжения Ирака в Кувейт в августе 1990 г., в январе 1991 г. ведомая США коалиция из тридцати государств начала военную операцию по «принуждению иракского лидера к миру». «*Буря в пустыне*» стала важной вехой в истории американского военного присутствия в регионе и имела большое значение для США в оперативно-тактическом

плане. USCENTCOM командовал распределением более чем 532000 военнослужащих по различным подразделениям коалиционных войск, общая численность которых составила 737000 человека. Эта цифра по сей день остается наивысшей точкой американского военного присутствия в ближневосточном регионе.

В период президентской каденции *Билла Клинтона* американская политика на Ближнем Востоке получила название «стратегии двойного сдерживания» (dual containment strategy) и ориентировалась на противостояние с Ираком и Ираном [Gause III, 1994]. Ливия Муаммара Каддафи также значилась в списках главных «возмутителей спокойствия» в регионе. В этот период США, с разной степенью успеха, начинают малые кампании вторжения – преимущественно на север и юг Ирака, в Сомали и другие страны, где, по мнению Вашингтона, стали концентрироваться тренировочные лагеря *Аль-Каиды*¹ – и укрепляют инфраструктуру военного базирования в регионе Персидского залива.

К началу 2000-х гг. видный деятель американской внешней политики Г. Киссинджер так сформулировал основные модальности американской политики в регионе:

«В этом океане [ближневосточных] страстей США стараются найти правильный курс с помощью [некоего нового] компаса. Традиционные навигационные инструменты сегодня приносят мало пользы. Конфликты в регионе не имеют отношения к демократии, поскольку, за исключением разве что Израиля, ни одно из соперничающих государств не является демократическим, что вынуждает Америку сотрудничать с целым рядом стран, основывая отношения с ними лишь на общих интересах безопасности. Индустриально развитые демократические страны не могут допустить, чтобы им перекрыли доступ к нефти Персидского залива, или согласиться на то, чтобы Залив попал во власть государства или группы государств, враждебно к ним настроенных». [Киссинджер, 2016, с. 178].

Трагедия 11 сентября 2001 г., казалось, коренным образом должна была изменить систему американского восприятия угроз, исходящих из Ближнего Востока. Первая реакция американского руководства была выдержана именно в духе борьбы с террористическими группировками с опорой на региональных союзников, несмотря на имеющиеся журналистские расследования о финансировании этих группировок некоторыми из этих союзников [Evidence of Financial Links, 2001].

Вскоре, однако, администрация Дж. Буша-мл. поставила перед страной более амбициозную цель. Вместо ответа на угрозы, исходящие из Ближнего Востока, была принята комплексная стратегия искоренения самих условий их возникновения. В американской истории ближневосточного присутствия начался трудный и, во многом бесплодный, этап демократизации региона, государственного строительства и череды контр-повстанческих операций.

Центральным сюжетом этого этапа стало вторжение США в Ирак в 2003 г. Эта кампания колоссальным образом повлияла на социально-политический ландшафт внутри Америки. Для региона же, негативные последствия этого вторжения не исчерпаны и по сей день. Несмотря на это, официальные военные историки Пентагона убеждены, что вся логика развития американо-иракских отношений подводила именно к такому исходу. По их мнению, иракский режим не сотрудничал должным образом с международными инспекторами в деле уничтожения запасов своего химического оружия и постоянно нарушал соглашения о прекращении огня от 1991 г. [Assessing, 2018].

Так или иначе, историческая ирония иракских кампаний для США заключается в том, что война против этой страны в 1991 г. ознаменовала пик американского могущества в регионе, стала очередным символом единоличного доминирования Америки в пост-биполярную эпоху, в то время как кампания 2003 г. стала прологом к постепенному увяданию

¹ Запрещена в РФ.

нию «цвета» американской политики на Ближнем Востоке, добровольно-вынужденному пересмотру роли и места региона для интересов США.

Однако в первые годы иракской операции (середина 2000-х гг.) такого ощущения не было. Численность американских войск на первых этапах достигла около 150 тысяч человек, не считая войск подключившихся союзников из «коалиции желающих». В 2007 г. президент *Джордж Буш-мл.* отправил еще 30 тысяч человек в рамках политики по наращиванию контингента (“the surge”) и на протяжении большей части американской кампании численность войск США в Ираке колебалась в пределах 100–150 тысяч.

«АРАБСКАЯ ВЕСНА» И НОВАЯ ЭРА ПОЛИТИКИ США НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

В конце 2000-х гг. большинство теоретиков и практиков международных отношений в США полагали, что к 2020 г. регион Ближнего Востока и Северной Африки не будет приоритетным для американской внешней политики. Сторонники этой точки зрения среди политиков, дипломатов, военных и экспертов исходили из того, что к тому времени национальные интересы Америки вынудят ее почти полностью сфокусироваться на Азиатско-Тихоокеанском направлении. На раннем этапе перспективы социально-политических трансформаций в ближневосточном регионе, вызванные «арабской весной», воспринимались в Вашингтоне оптимистично. Довольно скоро, однако, стало очевидным, что число и характер охвативших регион вызовов будут иметь долгосрочные последствия. Даже если это мало влияло на стратегические намерения Вашингтона «развернуться» в АТР, ближневосточные кризисы не позволяли США «отмахнуться» от этого региона без значительных для себя политических, финансовых, геополитических и репутационных потерь.

Таким образом, обещанный президентом *Барак Обамой* в каирской речи в июне 2009 г. в рамках стратегии «нового начала» (the New Beginning) «кардинальный пересмотр американского подхода к региону», не нашел продолжения в практических действиях на его первом сроке. Военная структура сохранилась практически без изменений, а сама стратегия, по сути, была сочетанием риторики Клинтона и амбиций по трансформации региона Буша-мл. Однако, спровоцированная «арабской весной» ситуация в регионе выявила неготовность президента Обамы к использованию силы, в том виде и объеме, как это делали его предшественники [Сучков, 2016].

Ёмко сформулировать «доктрину *Обамы*» в отношении Ближнего Востока сложнее, чем программные установки его предшественников в силу частого расхождения риторики с практикой политических действий («красные линии» для Асада, вывод войск из Афганистана, «поддержка арабской улицы» и пр.). Однако некоторые модальности выглядели вполне внятно: вовлечение Ирана через «ядерную сделку»; опция применения силы только в ситуации с пониженным риском для американских военнослужащих и максимальное понимание результатов подобного применения; акцент на спецоперации и опорой на вооруженные силы союзников. В декабре 2011 г. США официально завершили вывод своего контингента из Ирака, оставив только 150 человек для охраны американского посольства в Багдаде. Однако совсем скоро после появления *ИГИЛ*² и захвата террористами первых территорий, американцам пришлось вернуться.

В целом наследие Обамы для американской политики на Ближнем Востоке оценивается в Вашингтоне в критических тонах. Одни усматривают в его подходе «лидерства из-за спины» (*leading from behind*) политическую нерешительность, желание свернуть американское присутствие в регионе в момент, когда этого делать было нельзя. Другие считают, что он

² ИГИЛ – террористическая организация, запрещённая в РФ.

сделал много, но не в тех сферах – попытки сближения с Ираном повредили отношениям с арабскими союзниками и Израилем.

Дезинтеграция государств, увеличение числа экстремистских группировок, усиление популярности радикальных идей и изменение качества отношений Соединенных Штатов с многолетними союзниками создавали в целом неблагоприятную стратегическую среду для американского присутствия в регионе, особенно в том виде, в котором оно существовало последние два десятилетия. Это стимулировало в США широкие экспертно-политические дискуссии по трём блокам вопросов: ситуативные и долгосрочные интересы Соединенных Штатов на Ближнем Востоке; угрозы их реализации, а также проблема безопасности; возможности для американской внешней политики.

Ливийская кампания наложила серьезный отпечаток на последующие решения о применении силы. В то время как в отношении Ливии силовой сценарий поддерживали около 60% представителей политико-формирующих кругов США, то за прямое военное вмешательство в сирийский и йеменский конфликты выступили только 21% и 16% соответственно [Avey et al., 2012]. В случае с Сирией в 2012 г. американское общественное мнение поддерживало [Middle East Poll, 2012] введение дополнительных санкций и идею «бесполётной зоны» (60% и 59% соответственно), но выступало против отправки туда американских войск (за эту идею высказалось только 13%) или поддержки Соединенными Штатами антиправительственных сил (22%).

Вместе с тем идея полной ответственности западной коалиции за создавшийся в регионе хаос казалась Соединенным Штатам неочевидной. Источниками стремительно растущего числа исламистских группировок назывались межплеменные противоречия, соперничество региональных держав и суннитско-шиитский конфликт. Это не означает, что большинство специалистов по региону, как и само американское правительство, не признавали пагубного влияния иракской операции на становление радикальных сил на Ближнем Востоке. Но, рефлексируя на тему иракской кампании, они исходили не столько из неправомерности вторжения как такового, а скорее из последующего регионального усиления Ирана, ставшего следствием этого вторжения. Таким образом, дальнейшая американская стратегия становилась зависимой от необходимости выработки дополнительных мер по сдерживанию Ирана и определению масштабов собственного присутствия в регионе.

На фоне укрепления в американском обществе негативных стереотипов в отношении Ближнего Востока и накапливающейся «усталости» американского руководства от региона, кандидат в президенты *Дональд Трамп* обещал [Trump's End, 2016] во время избирательной кампании 2016 г. «закончить войну в Сирии, но воздержаться от государственного строительства в этой стране». Вторым по порядку, но, возможно, первым по важности для Д. Трампа было стремление «наконец решить израильско-палестинский конфликт» – желание, не отличавшееся оригинальностью для американских президентов последних десятилетий. Впрочем, его сторонникам импонировали эти призывы к пересмотру отношений с «внешнеполитическими нахлебниками».

БЛИЖНЕВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА США ПРИ Д. ТРАМПЕ И ДЖ. БАЙДЕНЕ: ПОПЫТКА «ПЕРЕЗАГРУЗКИ»

«Ближний Восток – это место, где правила Лас-Вегаса не работают: что происходит на Ближнем Востоке, не остаётся на Ближнем Востоке» [Lamothe, 2015]. Эти слова многолетнего командующего силами США и союзников в Ираке и Афганистане, а потом и директора ЦРУ Дэвида Петреуса в 2015 г. были не просто красивой производной от слогана города Лас-Вегас «что происходит в Вегасе, остается в Вегасе». Это было назиданием

политическому руководству США о том, что события в этом сложном регионе зачастую имеют последствия, выходящие далеко за его географические рамки. Но это также было советом политическому Вашингтону подходить к принятию решений в отношении Ближнего Востока более взвешенно.

Дональд Трамп понимал эту фразу на свой манер: он исходил из того, что вообще не стоит увлекаться вовлечением в ближневосточные дела, где масса неразрешённых конфликтов, коррупция и социальная неустроенность поглощают ресурсы США, которые быгодились в противостоянии с Китаем. Трамп, таким образом, фактически поставил задачу вывести идеальную формулу *«достаточного присутствия»* США на Ближнем Востоке: снизить союзнические обязательства США, но при этом сохранить политическое влияние, необходимое для реализации своих интересов.

Довольно скоро, впрочем, выяснилось, что Трамп оказался единственным, кто хотел немедленного ухода США из Сирии. В то время как одни члены его администрации убеждали общественность, что американская стратегия должна быть исключительно контртеррористической, другие настаивали на более комплексном подходе, который включал сдерживание Ирана и давление на Башара Асада.

Для сторонников варианта «остаться» приоритетом было недопущение победы геополитических противников, включая Россию, путем сохранения позиций Америки «на земле». Для этой группы политиков и бюрократов залог победы в международных отношениях – силовое доминирование Америки в региональных конфликтах. Трамп как главный сторонник варианта «уйти» путь к американскому первенству видел в поиске вариантов снижения рисков политических и финансовых вложений при максимальной окупаемости. Одновременно ему хотелось решить важную для себя политическую задачу – укрепить собственные позиции среди консервативного электората через последовательное выполнение своих обещаний. Покинуть горячие точки на карте Ближнего Востока Трампу так и не удалось. Зато удалось не создать новые – что, впрочем, тоже внушительный результат, учитывая опыт ближневосточной политики предшественников и частых искушений для республиканской администрации ввязаться в «горячую войну» с Ираном или Сирией. Самый успешной инициативой первой администрации Трампа можно считать «Соглашения Авраама» между Израилем и рядом арабских государств. Они стали попыткой изменить систему координат ближневосточной политики, а последствия этого процесса еще какое-то время будут расходиться кругами за пределы региона.

Запущенная Джо Байденом программа «реновации» внутренней и внешней политики США предполагала демонтаж «декоративных элементов» стиля Трампа, но не самой «несущей конструкции» американской политики.

Однако к моменту прихода Байдена в Белый Дом в Вашингтоне уже стали ещё более серьезно задаваться вопросом о национальных интересах Америки в Сирии, Ираке, Йемене, в вопросе палестино-израильского конфликта или даже противостоянии с Ираном. Всё чаще предлагаемые десятилетиями ответы не казались рядовым гражданам убедительными, а действующий президент, как и его предшественник, не были способны сформулировать и воплотить в конкретные политики то, что было по-настоящему важным для США в регионе. В результате, следуя логике «сделать хоть что-то», американское руководство всё чаще принимало меры – санкции, точечные воздушно-ракетные удары, боевая подготовка организованных малых повстанческих групп – которые усложняли тактическую картину происходящего, но мало меняли стратегическую. Растущие межведомственные расхождения всё чаще просачивались в публичное информационное пространство, а частая смена императивов (уйти из Сирии или не уйти, спонсировать программы подготовки сирийской оппозиции и курдов или свернуть их и пр.) негативно отражались на репута-

ции США в регионе, где к институту репутации – как и к институту силы – отношение особое.

Всё это дополнительно осложняло для Вашингтона определение собственных интересов на Ближнем Востоке в краткосрочной перспективе. Замерять американские интересы наиболее надежно по тому, на какие направления правительство США долго и целенаправленно выделяет большие ресурсы. На протяжении почти семи десятилетий таких направлений было пять: энергопоставки из Персидского залива; безопасность Израиля; удержание Ближнего Востока от доминирования там какой-либо другой державы кроме США; нераспространение ОМУ и противодействие терроризму – два последних направления, впрочем, можно считать производными от трёх первых.

Подобный подход находил проекцию в конкретных политиках: противодействовать влиянию в регионе Советского Союза, поддерживать дружественные отношения с Саудовской Аравией, сдерживать Иран (а до этого и Ирак), поддерживать военное превосходство Израиля над соседями и поддерживать на плаву крупными суммами финансовой помощи Египет. Этот набор политик традиционно пользовался двухпартийной поддержкой и почти шестьдесят лет в целом удовлетворял императивам Америки в проблемном регионе. Последние как минимум десять лет основания каждой из этих политик подвергались эрозии.

По мере того, как Соединенные Штаты становятся мировыми лидерами по добыче нефти, зависимость Америки от поставок углеводородов из Персидского залива снижается, равно как и приверженность безопасности Саудовской Аравии. Тем более, что богатые аравийские монархии, по замыслу Трампа, должны либо сами себя защищать, либо платить США ещё больше за свою безопасность (преимущественно посредством закупок американских военных изделий). Поддержка Израиля по-прежнему важный пункт в ближневосточной повестке США, но в последние годы и этот вопрос становится предметом партийных споров: всё большее число избирателей демократов сомневаются в коей мере безопасность Израиля – национальный интерес США. Контртерроризм всё чаще становится крайне политизированным вопросом, к которому политики обращаются в острые национальные кризисы для манипуляции эмоциональным сознанием избирателей. Наконец, всё меньше американцев понимают, что именно дает Америке доминирующее положение на Ближнем Востоке и зачем оно США в принципе.

Для американских специалистов, которые глубоко и профессионально занимаются вопросами внешней политики, сирийский конфликт всегда был в меньшей степени связан с Сирией и в большей – с противостоянием «великодержавным амбициям Москвы», противодействием распространению регионального влияния Тегерана и недопущением создания прецедентов по оспариванию американского могущества для Китая. Эти факторы толкали США к большей, в том числе военной, проактивности. Однако травмы иракской кампании, усталость от присутствия «в песках за морями» и собственные инстинкты Трампа уклоняться от военных авантур направляют США в обратную сторону. Взирая на эти процессы за океаном, региональные игроки активизировали собственную внешнеполитическую активность. Очутившись в «вакууме лидерства», одни союзники США ищут частичной замены американского участия в значимых для себя областях – прежде всего военно-техническом сотрудничестве. Другие – постепенно диверсифицируют это участие за счет контактов с третьими державами – прежде всего Россией. Третьи – используют эти контакты как предмет торга с американцами и одновременно стимул для «возврата Америки» к более привычной для союзников ролевой модели «тотальной супердержавы».

И всё же конкретные решения влиятельных кругов в США не поспевали за интеллектуальной дискуссией вокруг роли и места Ближнего Востока в политике Соединенных

Штатов. Великодержавные амбиции, соображения престижа, политическая инерция, некоторые вопросы безопасности, доходность Ближнего Востока для американского военно-индустриального комплекса, лоббистские усилия самих ближневосточных элит и другие факторы не позволяют порвать с традицией «ручного контроля» над нестабильным регионом.

В 2020 г. советник по национальной безопасности Дж. Салливан дал понять [Nagorski, 2017], что на Ближнем Востоке США в качестве приоритетных видели три крупных вызова: коллапс государственности, подъем исламистского фундаментализма и геополитическое противостояние Саудовской Аравии и Ирана. Ключом к решению первых двух проблем администрация видела решение третьей в виде выработки некоего *modus vivendi* между Эр-Риядом и Тегераном.

Байден, однако, начал совершенно с другого: вывода войск из Афганистана. Решение об уходе из США было принято несколько лет назад: Байден сделал то, что должны были сделать его предшественники. Опытный политик Байден перехватил у республиканцев важную тему «окончания вечных войн». Для международных отношений решение Байдена действительно закончило целую эпоху, начавшуюся с терактов 11 сентября 2001 г. Борьба с терроризмом больше не представлялась определяющей парадигмой американской безопасности и внешней политики. США переходили – или возвращались – к великодержавному противостоянию с Китаем и Россией. Именно оно, по мнению Вашингтона, должно определить судьбу человечества в XXI веке. Тем более что, вывода военный контингент, США не намеревались снижать разведывательные возможности в регионе. Напротив, сокращением «присутствия на земле» американцы мотивировали необходимость развёртывания дополнительных разведывательных ресурсов на сопредельных территориях. В официальной интерпретации – чтобы отслеживать возможную террористическую активность в Афганистане и характер отношений «Талибана»³ с другими исламистами. Однако подобная разведывательная инфраструктура нужна как раз для пресловутого «великодержавного противостояния» с Москвой и Пекином в чувствительной с точки зрения безопасности для обеих стран зоне.

При всех попытках сфокусироваться на противостоянии с КНР и закончить «вечные войны» на Ближнем Востоке, администрация Байдена была вынуждена уделять значительное внимание региону именно в связи с новым витком эскалации. На период 2021–2025 гг. пришелся как период относительного спокойствия (2021–2023 гг.), так и новой эскалации (с октября 2023 г. по январь 2025 г.). В 2021 г. на Ближнем Востоке наметился тренд на примирение конфликтующих сторон и сближение ранее противоречивших друг другу позиций. На этой волне вслед за многими американскими президентами Байден стремился позиционировать себя как миротворец: пытался вернуться к ядерной сделке с Ираном и продолжил двигаться по линии расширения «Соглашений Авраама», поддерживая сближение Израиля и арабских союзников США, в первую очередь Саудовской Аравии.

Однако интересы ключевых игроков были учтены лишь частично, а коренные причины противоречий, кроющиеся как в идеологической, так и в экзистенциальной плоскости, устранены не были. Эскалация в регионе после атаки ХАМАС на Израиль 7 октября 2023 г. отсрочила нормализацию саудовско-израильских отношений и стала своего рода водоразделом для ближневосточной политики Дж. Байдена. Если ранее она формировалась в основном под влиянием решений, принятых при Д. Трампе, то с октября 2023 г. определялась новыми реалиями в регионе. События 7 октября привели к израильской операции в Секторе Газа, серии столкновений между Израилем и ливанской Хезболлой, первым в истории обменом прямыми ударами между Израилем и Ираном. Все эти события позво-

³ Движение «Талибан» – запрещенная в России террористическая организация.

лили по-новому показать пять обозначенных выше основных направлений американской политики в регионе.

Во-первых, события, последовавшие за 7 октября 2023 г. вновь продемонстрировали, что, какими бы ни были репутационные издержки в арабском мире, поддержка Израиля как ключевого регионального союзника остается одной из констант региональной политики Соединенных Штатов. Однако американское население как никогда демонстрировало наличие в обществе иной точки зрения (протесты в студенческих кампусах, дебаты в Конгрессе) и в определенные моменты администрации Байдена приходилось выступать с заявлениями, осторожно осуждавшими Израиль за чрезмерное применение силы и призывавшими к окончанию эскалации. И тем не менее, несмотря ни на что, США продолжали оказывать союзнику военную помощь.

Во-вторых, произошло обновление стратегии на сохранение американского доминирования в регионе. Может показаться, что результаты деятельности Байдена на этом направлении не самые удачные: налицо усиление влияния КНР как в политическом, так и в экономическом смысле. В марте 2023 г. Пекин выступил посредником на переговорах о нормализации отношений между Ираном и Саудовской Аравией и получил статус главного миротворца в регионе. КНР также значительно нарастила объемы торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества со странами Персидского залива, в первую очередь с Саудовской Аравией, другим важнейшим союзником Вашингтона в регионе. В 2020–2023 гг. объем саудовско-китайской торговли вырос с 67 млрд до 107 млрд долл. [Zhou, 2024], а сама КНР стала самым значимым инвестором в новые проекты (greenfield projects) в КСА: в одном только 2023 г. Китай вложил в королевство 16,8 млрд долл. [China becomes, 2024]. Значительные инвестиции стали идти и в обратном направлении, в том числе национальная нефтяная компания Agamco приобрела доли в нескольких крупных китайских НПЗ и инвестировала в строительство новых. Одновременно всерьез обсуждалась идея дополнительного размещения акций Agamco на гонконгской бирже, хотя ранее шли разговоры о выходе на нью-йоркскую биржу.

С другой стороны, именно при Байдене США смогли надежно закрепить свое господство в новой плоскости международных отношений – технологической. Хотя на внутривнутриполитической арене администрация Байдена запомнилась довольно враждебной политикой по отношению к большим технологическим корпорациям, на внешнеполитической арене она сделала ставку именно на технологическую повестку. Крупнейшие американские технологические компании, такие как Google и Microsoft, стали фактически инструментами закрепления американского влияния по всему миру в целом и на Ближнем Востоке, в частности. Интересам США соответствовала и растущая заинтересованность руководства монархий Персидского залива в передовых технологиях. Весной 2024 г. Департамент торговли вместе с Госдепартаментом выступили основными спонсорами сделки между Microsoft и крупнейшей государственной технологической компанией ОАЭ G42. Согласно условиям соглашения, на эмиратскую компанию накладывались жесткие ограничения в вопросе передачи технологий и сотрудничества с китайскими компаниями, ранее являвшимися основными партнерами G42 [Nellis, 2024]. На сделку ОАЭ были вынуждены пойти под угрозой прекращения поставок новейших моделей американских чипов: еще зимой 2023–2024 гг. G42 прекратила сотрудничество с китайской Huawei и объявила о продаже своих долей в ряде других китайских технологических компаний [Bartenstein et al., 2024]. За ОАЭ последовала и Саудовская Аравия: осенью 2024 г. Google заключила масштабное соглашение с суверенным инвестиционным фондом королевства PIF, подразумевающее строительство нового центра обработки данных и продвижение технологий искусственного интеллекта Google в регионе [Soliman, 2024]. Этому договору также предшествовало

давление Департамента торговли по вопросу о выдаче лицензий на поставку передовых чипов в КСА [De Mott, 2024].

Вопросы нераспространения ОМУ и противодействия терроризму при Байдене, казалось, отошли на второй план, однако фактически основным действующим лицом на этом направлении стал Израиль, методично уничтожавший лидеров ХАМАС и Хезболлы и осуществлявший таргетированные удары по иранским ядерным объектам и отдельным руководителям ядерной программы. Уровень политизированности контртеррористической повестки, о котором писалось выше, стал высоким как никогда ранее.

Что касается стабильности энергопоставок, то здесь администрации Байдена не удалось показать больших успехов. Атаки хуситов на корабли в Красном море, несмотря на серию авиаударов и патрулирование американских военных кораблей, нанесли значительный удар по безопасности судоходства в регионе. За первые восемь месяцев 2024 г. объем нефти и нефтепродуктов, проходящих через Баб-эль-Мандебский пролив, снизился на более чем 50% [Pearsey, 2024], что привело к значительному удорожанию логистики и в сочетании с другими факторами повлияло на общемировые цены на нефть.

С другой стороны, своего рода незапланированным успехом Байдена, которого не удалось добиться ни Трампу, ни Обаме, стало падение правительства Асада в Сирии. Позиции США и их союзников в Леванте значительно укрепились, фактически демонтировав иранскую «ось сопротивления». Даже если проамериканские СДС не смогут получить значительную роль в послевоенном будущем Сирии, влияние на ситуацию в стране благодаря своим финансовым возможностям может оказывать Катар, выступающий одним из основных союзников Вашингтона в регионе. Другим бенефициаром новой ситуации в Сирии стала Турция, активно поддерживавшая (запрещенную в России террористическую организацию) Хайят Тахрир Аш-Шам. Есть вероятность, что американские союзники в некотором смысле «разделят обязанности» в деле создания будущей Сирии: Турция будет обеспечивать безопасность, а Катар сфокусируется на инвестициях в экономическое восстановление страны [Bakir, 2025]. Таким образом, Трамп фактически может реализовать давние планы по выводу американских войск из Сирии и передать ее под «опеку» своим региональным союзникам, тем более что по некоторым данным Турция рассматривает возможность создания военных баз на территории арабской страны [Nasaoglu, Kozok, 2025].

Администрация Трампа пришла к власти на фоне снижающейся напряженности в регионе. Операция Израиля в Секторе Газа, закончившаяся в январе 2025 г., создала новый геополитический фон. На фоне ослабления Ирана и падения правительства Асада создается выгодная ситуация для внешнеполитических приоритетов Трампа: «ось зла» на Ближнем Востоке побеждена, Иран и его союзники разбиты, либо потеряли значительную часть своего боевого потенциала; ближневосточные монархии за прошедшие годы в целом научились самостоятельно обеспечивать свою безопасность, контролируя уровень эскалации с Тегераном и находя способы сохранения мира даже в условиях конфликта в Газе. Таким образом, может показаться, что Трамп получил уникальный шанс полностью сфокусироваться на «китайской угрозе» и Индо-Тихоокеанском регионе, благополучно передав Ближний Восток «на аутсорс» региональным игрокам.

Тем не менее, как и во времена первой администрации, Иран обещает остаться одной из главных тем не только в региональной, но и в глобальной повестке Трампа. Хотя положение Тегерана в 2025 г. значительно отличается от 2017 г., тема его сдерживания может сохранить свою актуальность в ближайшие четыре года. В период первой администрации Трампа Вашингтон, используя философию «проактивного сдерживания», стремился сделать Иран более «податливым актором» и принудить его к отказу от региональной экспансии путём усложнения внутривосточной ситуации [Сучков, 2018(1)]. Свой второй президентский

срок Трамп начал с высказываний о необходимости переговоров с Ираном, однако уже в начале февраля 2025 г. вернулся к стратегии «максимального давления». В то же время и в самом Иране наблюдаются ожесточенные дебаты о перспективах диалога с США. Хотя администрацию президента Пезешкиана относят к числу «либеральных», она подвергается значительному давлению со стороны более консервативных сил в парламенте, а также со стороны КСИР [Under Cover, 2025]. Принимая во внимание эти тенденции, шансы урегулирования американо-иранских отношений выглядят невысокими.

Позиция США в отношении Ирана осложняется и «израильским фактором». В период своего первого президентского срока Трамп запомнился многим произраильской политикой. Судя по высказываниям Трампа в 2024–2025 гг., а также назначениям в администрации, ситуация скорее всего останется прежней в период второго президентского срока. Так, пост спецпосланника по Ближнему Востоку занял С. Виткофф, активный сторонник Израиля; пост посла США в Израиле – М. Хакаби, евангелист, прославившийся благодаря своей поддержке израильских поселений на Западном берегу; пост постоянного представителя США в ООН – Э. Стефаник, также известная своей произраильской позицией. Таким образом, у Израиля фактически появляются свои лоббисты не только в Конгрессе, но и в аппарате Трампа. В этом контексте неудивительно, что первым иностранным лидером, посетившим Вашингтон после инаугурации, стал премьер-министр Израиля Биньямин Нетаньяху.

Безусловно, важной темой для ближневосточной политики Трампа станет и борьба с усилением влияния других держав в регионе. В этом смысле Россия перед приходом Трампа к власти успела в некотором смысле «перегруппироваться», перебросив часть войск из Сирии на аэродромы в Ливии, находящиеся на территории под контролем генерала Халифы Хафтара [Karkas, 2024]. В контексте противостояния с Китаем на Ближнем Востоке может усиливаться технологическая конкуренция. Учитывая тесные отношения Трампа с технологическим предпринимателем Илоном Маском, можно ожидать сохранения значения технологической повестки во внешнеполитической повестке администрации. Маск, благодаря своим личным связям в регионе, может даже где-то обходить формальные каналы связи и продвигать интересы своих собственных компаний.

Подобно темам, сохраняют свою актуальность и трамповские методы ведения внешней политики: транзакционный подход и особая роль «семьи» [Сучков, 2018(2)].

Практически сразу после инаугурации Трамп вновь продемонстрировал свой утилитарный подход к международным отношениям, заявив, что поедет с первым зарубежным визитом в Саудовскую Аравию, только если она пообещает приобрести американские товары на сумму в 450–500 млрд долл., что на 50–100 млрд больше, чем во время его первого визита в 2017 г. [Naake, Shabad, 2025]. Наследный принц КСА Мохаммед бин Салман, установивший достаточно близкие отношения с Трампом и его семьей в период первого президентского срока, в ответ заявил, что готов приобрести американскую продукцию на сумму в 600 млрд долл. [Gambrell, 2025].

Другие монархии Персидского залива стремятся обеспечить себе благоприятное отношение Трампа, используя более тонкие инструменты. В декабре 2024 г., за полтора месяца до инаугурации, принадлежащий зятю Трампа Джареду Кушнеру фонд Affinity Partners получил дополнительное финансирование в размере 1,5 млрд долл. от эмиратской компании Lunate и суверенного инвестиционного фонда Катара Qatar Investment Authority [Tan, 2024]. Lunate является одной из компаний советника по национальной безопасности ОАЭ шейха Тахнуна бин Зайда Аль Нахайяна, так что фактически инвесторами в фонд Кушнера выступило руководство ОАЭ и Катара. О совместных проектах с семьей Трампа объявили и близкие к эмиратскому руководству бизнесмены. В декабре 2025 г. Хусейн Саджвани, владелец одного из крупнейших дубайских застройщиков Damas Properties, в портфолио

которого входят расположенные в Дубае гольф-клуб Trump International Golf Club и виллы под брендом Трампа, получил права на строительство небоскреба под брендом Trump Tower в Абу-Даби. Через месяц Трамп лично объявил о планах Саджавани инвестировать 20 млрд долл. в строительство центров обработки данных в США, причем Саджавани дал понять, что решение обусловлено благоприятными политическими условиями в Вашингтоне [Fitzgerald, Sharma, 2025]. Другой эмиратский бизнесмен, основатель ЕМААР и Eagle Hills Мохаммед Аль-Аббар, вошел в другой партнерский проект с Джаредом Кушнером. В январе 2025 г. было объявлено о партнерстве компании Аль-Аббара с фондом Affinity Partners с целью развития масштабного проекта в Сербии [Sergie, 2025]. Хотя в новой администрации Дж. Кушнер пока не занимает официальных должностей, ситуация может в дальнейшем измениться, а сам «клан» Кушнеров влияния не теряет: отец Джареда уже номинирован на пост посла США во Франции. Таким образом, ближневосточные монархии, понимая, что во внешней политики Трампа личные интересы смешиваются с деловыми, стремятся обеспечить себе благоприятное отношение США через совместные бизнес-проекты с их руководством.

Налаженные связи будут полезны арабским странам и при обсуждении энергетических вопросов. Придя к власти, Трамп вновь обещал увеличить добычу нефти в США и снизить цены на углеводороды. С одной стороны, по мере того как США становятся мировым лидером по добыче нефти, важность поддержания стабильности поставок из Персидского залива для национальной безопасности снижается, равно как и приверженность безопасности Саудовской Аравии. С другой стороны, все большее значение приобретает управление нефтяным рынком, а именно отношения с ОПЕК. Трамп пытался оказывать давление на картель с целью снижения цен ещё в период первого президентского срока. Второй срок начался со схожих действий: спустя всего четыре дня после инаугурации Трамп публично призвал ОПЕК снизить цены [Trump once again, 2025]. Учитывая, что американский президент позиционирует себя как «лучшего переговорщика в мире», способного решить самые сложные проблемы, при условии сохранения высоких цен на нефть тема ОПЕК может стать одной из главных для Ближнего Востока в ближайшие четыре года.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на накопленный многолетний опыт в регионе, американская ближневосточная политика создает впечатление по-прежнему находящейся на стадии проектирования: пока нет внятного ответа на вопрос, как соединить заявленные цели с ресурсами, которые США готовы на эти цели затратить; как найти адекватную пропорцию «мягких» и «жестких» инструментов в отношениях с региональными игроками; как правильно просчитать реакцию партнеров и оппонентов на тот или иной политический «стимул»; наконец, как при сохранении системы военных союзов – эффективном средстве минимизации рисков для национальной безопасности – получать от союзников больше, чем отдавать. Эти и другие вопросы внешнеполитического планирования сегодня осмысливаются иначе, чем ещё несколько лет назад по причине внутривнутриполитического и кадрового кризиса в США и из-за более сложных реальностей на Ближнем Востоке.

Сдерживание Ирана, ограниченное вовлечение в сирийский конфликт и наращивание военной силы и поставок могут, по мнению администрации, стать той самой формулой «достаточного присутствия» американской политики в регионе: главная угроза находится как минимум под постоянным мониторингом; в постконфликтной Сирии не считается с американским присутствием не может ни один игрок, включая Россию; американский ВПК развивается, получая большие заказы; при этом у американской общественности нет

ощущения, которое было при Обаме и Байдене, что США «отступают». Это не обязательно означает, что данный подход принесет Соединенным Штатам большие выгоды, внешнеполитический успех или, тем более, мир на Ближний Восток. Но это своего рода эксперимент по сопряжению философии «Америка прежде всего» и внешнеполитической ситуации, когда «уйти нельзя, а оставаться все сложнее».

Актуальным для США вопросом на ближайшие годы будет пересмотр ценности отдельных традиционных американских интересов во внешней политике, соотношения их с имеющимися ресурсами и потенциальными жертвами. Перед США стоит выбор, связанный с переходом к процессу выработки нового целеполагания, с одной стороны, или сохранения текущего набора императивов с поправкой на варианты их более эффективного достижения, с другой. Эта дилемма, к слову, касается не только Ближнего Востока и не привязана к фигуре хозяина Белого дома после 2024 г. Но на ближневосточном треке этот «поиск» приобретает наиболее гротескные формы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Киссинджер Г. *Нужна ли Америке внешняя политика? К дипломатии XXI века*. М.: Ладомир, 2016 [Kissinger H. *Does America Need a Foreign Policy? Toward a Diplomacy for the 21st Century*. Moscow: Ladomir, 2016 (in Russian)].

Сучков М.А. Как американцам «починить» Ближний Восток. *Международные процессы*. 2016. Т. 14. №4 (47). С. 168–171 [Suchkov M.A. How the Americans Could “Mend” the Middle East. *International Trends*. 2016. Vol. 14. No. 4(47). Pp. 168–171 (in Russian)].

Сучков М.А. «Проактивное сдерживание»: как Трамп хочет «перевоспитать» Иран. *Россия в глобальной политике*. 27.09.2018(1) [Suchkov M.A. Proactive Deterrence: How Trump Wants to Reform Iran. *Russia in Global Affairs*. 27.09.2018(1) (in Russian)]. <https://globalaffairs.ru/articles/proaktivnoe-sderzhivanie-kak-tramp-hochet-perevospitat-iran/> (accessed: 09.02.2025).

Сучков М.А. Стратегия «достаточного присутствия»: политика США на Ближнем Востоке при Д. Трампе. *РМЖ*. 19.01.2018(2) [Suchkov M.A. The Strategy of Sufficient Presence: US Policy in the Middle East under Trump. *RIAC*. 19.01.2018(2). (in Russian)]. <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/strategiya-dostatochnogoprisutstviya-politika-ssha-na-blizhnem-vostoke-pri-d-trampe/> (accessed: 09.02.2025)

Хрусталева М.А. *Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза: учебное пособие*. М.: Аспект Пресс, 2015 [Khrustaleva M.A. *International Situation Analysis and Political Expertise: A Handbook*. Moscow: Aspect Press, 2015 (in Russian)].

Assessing the Global Operating Environment: Middle East. *The Heritage Foundation*. 24.01.2024. <https://www.heritage.org/military-strength/assessing-the-global-operating-environment/middle-east> (accessed: 09.02.2025).

Avey P., Desch M., Long J., Maliniak D., Peterson S., Tierney M. The Ivory Tower Survey. *Foreign Policy*. 03.01.2012. <http://foreignpolicy.com/2012/01/03/the-ivory-tower-survey/> (accessed: 09.02.2025).

Bakir A. How Qatar and Turkey Will Shape Post-Assad Syria. *Amwaj.media*. 10.01.2025. <https://amwaj.media/article/deep-dive-how-qatar-and-turkey-will-shape-post-assad-syria> (accessed: 09.02.2025).

Bartenstein B., Hawkins M., Wadhams N., Bass D. G42 Made Secret Pact with US to Divest from China Before Microsoft Deal. *Bloomberg*. 16.04.2024. <https://www.bloomberg.com/news/articles/2024-04-16/g42-made-secret-pact-with-us-to-divest-from-china-before-microsoft-deal> (accessed: 09.02.2025).

China becomes top greenfield investor in Saudi Arabia with \$16.8bn. *Arab News*. 04.04.2024. <https://www.arabnews.com/node/2488096/business-economy> (accessed: 09.02.2025).

De Mott F. China Divestment: Saudi Fund Aims to Become Major Hub. *Business Insider*. 08.05.2024. <https://clck.ru/3KD5kC> (accessed: 09.02.2025).

Evidence of Financial Links Between Saudi Royal Family and Al-Qaeda. *The New York Times*. 2001. <https://www.nytimes.com/interactive/projects/documents/evidence-of-financial-links-between-saudi-royal-family-and-al-qaeda> (accessed: 09.02.2025).

Fitzgerald K., Sharma A. Hussain Sajwani: Damac, Trump, and the US. *The National*. 08.01.2025. <https://www.thenationalnews.com/business/2025/01/08/hussain-sajwani-damac-trump-us/> (accessed: 09.02.2025).

Gambrell J. *Saudi Arabia, US Investment Deal*. The Associated Press. January 25, 2025. <https://ap-news.com/article/saudi-arabia-us-investment-trump-6730a89f93b44ed8d705638f95700cbb> (accessed: 09.02.2025).

Gause III G. Iran, Iraq and the United States: The Illogic of Dual Containment. *Foreign Affairs*. March/April 1994. <https://www.foreignaffairs.com/articles/iran/1994-03-01/illogic-dual-containment> (accessed: 09.02.2025).

Haake G., Shabad R. Trump Speaks with Saudi Crown Prince in First Foreign Leader Call of Second Term. *NBC News*. 23.01.2025. <https://www.nbcnews.com/politics/white-house/trump-speaks-saudi-crown-prince-first-foreign-leader-call-second-term-rcna188940> (accessed: 09.02.2025).

Hacaoglu S., Kozok F. Turkey Weighs Military Bases in Syria to Gain Edge After Assad's Fall. *Bloomberg*. 06.02.2025. <https://www.bloomberg.com/news/articles/2025-02-06/turkey-weighs-military-bases-in-syria-to-gain-edge-after-assad-fall> (accessed: 09.02.2025).

Karkas M. Exclusive: Russia Transfers Fighters, Arms to Syria and Libya. *The New Arab*. 18.12.2024. <https://www.newarab.com/news/exclusive-russia-transfers-fighters-arms-syria-libya> (accessed: 09.02.2025).

Krepinevich A.F., Watts B.D. *Regaining Strategic Competence*. Washington DC: Center for Strategic and Budgetary Assessments, 2009. <http://www.dtic.mil/dtic/tr/fulltext/u2/a506833.pdf> (accessed: 09.02.2025).

Lamothe D. David Petraeus Apologizes Again for Affair, Lays Out Vision for Iraq and Syria. *The Washington Post*. 22.09.2015. <https://www.washingtonpost.com/news/checkpoint/wp/2015/09/22/david-petraeus-apologizes-again-for-affair-lays-out-vision-for-iraq-and-syria/> (accessed: 09.02.2025).

Middle East Poll. *Brookings Institution*. 08.10.2012. https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/06/MiddleEast_poll.pdf (accessed: 09.02.2025).

Nagorski T. Jake Sullivan on Asia. *Asia Society*. 15.05.2017. <https://asiasociety.org/jake-sullivan-asia> (accessed: 09.02.2025).

Nellis St. Microsoft's UAE Deal Could Transfer Key US Chips, AI Technology Abroad. *Reuters*. 24.05.2024. <https://www.reuters.com/world/middle-east/microsofts-uae-deal-could-transfer-key-us-chips-ai-technology-abroad-2024-05-23/> (accessed: 09.02.2025).

Pearcey Ed. Red Sea Oil Tanker Traffic Drops by 50%. *Offshore Technology*. 15.10.2024. [https://www.offshore-technology.com/news/red-sea-oil-tanker-traffic-has-dropped-by-50-this-year-says-eia/#:~:text=The%20amount%20of%20crude%20oil,Energy%20Information%20Administration%20\(EIA\)](https://www.offshore-technology.com/news/red-sea-oil-tanker-traffic-has-dropped-by-50-this-year-says-eia/#:~:text=The%20amount%20of%20crude%20oil,Energy%20Information%20Administration%20(EIA)) (accessed: 09.02.2025).

Sergie M. Jared Kushner's Dubai Billionaire Partner. *Yahoo! Finance*. 17.01.2025. <https://finance.yahoo.com/news/jared-kushner-dubai-billionaire-partner-134019157.html> (accessed: 09.02.2025).

Soliman M. Beyond Oil: Google's Big Bet on Saudi Arabia's AI Future. *Middle East Institute*. 31.10.2024. <https://mei.edu/publications/beyond-oil-googles-big-bet-saudi-arabias-ai-future> (accessed: 09.02.2025).

Svensson I. One God, Many Wars: Religious Dimensions of Armed Conflict in the Middle East and North Africa. *Civil Wars*. 2013. No. 15(4). Pp. 411–430.

Tan G. Kushner's Affinity Gets Additional \$1.5 Billion from Qatar, Abu Dhabi's Lunate. *Bloomberg*. 20.12.2024. <https://www.bloomberg.com/news/articles/2024-12-20/jared-kushner-s-affinity-gets-1-5-billion-more-from-qatar-abu-dhabi-s-lunate> (accessed: 09.02.2025).

Trump once again calls for OPEC to drop oil prices. *Reuters*. 24.01.2025. <https://www.reuters.com/business/energy/trump-once-again-calls-opec-drop-oil-prices-2025-01-24/> (accessed: 09.02.2025).

Trump's End to the Syria War. *Al-Monitor*. 22.11.2016. <https://al-monitor.com/pulse/originals/2016/11/trump-end-syria-war-foreign-policy.html> (accessed: 09.02.2025).

Under Cover of Fire: Zarif, Khamenei Nod to Talks with Trump. *Amwaj.media*. 29.01.2025. <https://amwaj.media/media-monitor/deep-dive-under-cover-of-fire-on-zarif-khamenei-nods-to-talks-with-trump> (accessed: 09.02.2025).

Zhou Q. China-Saudi Arabia Ties: Trade, Investment, and Opportunities. *Middle East Briefing*. 26.12.2024. <https://www.middleeastbriefing.com/news/china-saudi-arabia-ties-trade-investment-and-opportunities/> (accessed: 09.02.2025).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

СУЧКОВ Максим Александрович – кандидат политических наук, доцент, директор Института международных исследований (ИМИ) МГИМО (У) МИД России, Москва, Россия.

Maxim A. SUCHKOV, PhD (Politics), Associate Professor, Director, Institute for International Studies, MGIMO University, Moscow, Russia.

АДРИАНОВ Артем Константинович – младший научный сотрудник Института международных исследований (ИМИ) МГИМО (У) МИД России, Москва, Россия.

Artem K. ADRIANOV, Junior Research Fellow, Institute for International Studies, MGIMO University, Moscow, Russia.